

В Алеппо я увидел, почему Асад побеждает

Российские и иранские военные помогли Асаду отбить оплот повстанцев, но в его стратегии было нечто большее, чем грубая сила.

Промышленная зона Лайрамун на северо-западе Алеппо рассказывает историю этой войны. 1200 фабрик были разграблены и разрушены. На их месте лежат груды бетонных обломков со ржавым металлом. Рухнувшие цистерны с водой выглядывают сквозь руины. Там, где раньше ревели заводы и грохотали машины, выпуская пряжу, сегодня можно услышать только отдаленный гул канонады. За недели, минувшие после того, как в сентябре я посетил Алеппо, сирийские правительственные войска вместе с поддерживающими их иностранными союзниками начали масштабное наступление, и очень близки к тому, чтобы отбить восточную часть Алеппо, которую повстанцы удерживали четыре года.

«60% фабрик здесь были текстильными, например, швейными. Но были также компании, занимавшиеся литьем из пластмассы и стали», — объяснил Зияд Берри, владелец фармацевтической компании на территории под контролем повстанцев.

Берри был одним из немногих предпринимателей и публичных фигур, сопровождавших меня и еще десяток американских и британских журналистов во время нашего четырехдневного визита в Алеппо, город, о котором несколько месяцев пишут многие СМИ, но в котором мало кто из западных репортеров побывал. То, что мы увидели, помимо разрушений, причиненных годами войны, объяснило, почему режим Асада сумел удержать более богатые и процветающие районы города, и почему повстанцы не сумели захватить как весь город, так и всю страну. Несмотря на развязанную жестокую войну против мятежников, внесшую свой вклад в гибель 430 тысяч сирийских граждан, в лишение крова половины населения страны и в опустошение огромных районов сирийских городов, Асад сумел сохранить верность значительной части граждан, предложив им хрупкую форму нормальной жизни.

По поводу других, например, предпринимателей Алеппо, Асад мудро рассчитал, что их состояние связано с его выживанием и процветанием. Многие из них зарабатывали деньги благодаря связям с могущественными спецслужбами, управляющими страной, и с правительственными госслужащими, помогающими разобраться в хитросплетениях сложной бюрократии. Другие осознавали, что революция — это плохо для богатства. Захватив власть в 1963 году, партия «Баас» национализировала заводы и банки и провела земельную реформу, резко ограничив частное владение землей. Накапливавшееся века-

ми состояние исчезло за одну ночь.

Повстанцы угрожали не только богатству бизнесменов, но и их образу жизни. Восстание в Алеппо подняли жители сирийской сельской местности. «Они пришли из Идлиба и из сельских районов Алеппо», — объяснила мне депутат Зайна Хаула высокомерным тоном, словно речь шла о жителях Беверли-Хиллс, спустившихся на Родео-Драйв. «Они — не такие, как мы, — сказал промышленник Рафат Шамме. — У них другие ценности. Мы хотим защитить нашу страну, а они хотят уничтожить ее».

«Это коммерческий терроризм», — отметил принимавший нас Фарес аль-Шехаби. Его должность председателя промышленной палаты придавала ему ауру значимости. Но в Сирии звания и должности ничего не значат. Важнее близость к коридорам власти. Подлинная причина влияния аль-Шехаби заключается в фигуре его покойного дяди, в течение 24 лет возглавлявшего генеральный штаб сирийской армии. Аль-Шехаби показал нам мешки, набитые, по его словам, желтой серой для производства минометных снарядов. Точно сказать нельзя. На мешках китайского производства были указаны декальцинированный фосфат и диоксид титана, оба этих вещества не огнеопасны.

Одно было точно. История, поведенная нам представителями правительства, была правдивой только отчасти. Действительно, повстанцы разграбили заводы Лайрамун и унесли оттуда все оборудование, которое можно было отпавить в Турцию, где промышленники скупали станки по бросовым ценам. Во время посещения в 2012 году Шейх-Наджара, самого нового промышленного комплекса Алеппо, я видел, как повстанцы вывозят тяжелое оборудование. Но у повстанцев нет артиллерии для разнесения зданий.

Наша сирийская принимающая сторона сказала, что около 20 солдат и еще пяти сотрудников спецслужб в штатском будут сопровождать нас для защиты, так как повстанцы беспорядочно обстреливают из минометов гражданские районы. Но иранские и российские журналисты, которых я видел в районах ближе к линии фронта, такого серьезного эскорта не получали. Позднее я сказал одному из надсмотрщиков, что хотел бы сходить в киоск через дорогу от отеля и купить воды. Он запротестовал

и уговорил меня остаться в номере. Вскоре служащий отеля принес мне бутылку ледяной воды. Я не знал, кем считать себя — королем во дворце или узником в подземелье.

Средневековые ряды Старого города Алеппо, где в 1548 году венецианские торговцы открыли первое консульство, превращены в опаленный камень. Минареты еще стоят, но они покрыты отлетинами, рассказывающими историю страданий квартала. «Мы используем только легкое оружие, потому что тяжелые вооружения уничтожат наше национальное достоинство», — сказал мне полковник Абд аль-Маджид. Свидетельств подобной сдержанности очень мало. Сторонние наблюдатели обвиняют обе стороны в разрушениях и уничтожении старинных постоянных дворов, духовных семинарий и мавзолеев.

Неподалеку лежат останки отеля «Карлтон», располагавшегося в здании XIX века. Повстанцы уничтожили его в мае 2014 года, прокопав туннель в несколько километров, чтобы заложить взрывчатку. Погибло от 30 до 50 военных правительственных войск. За день до нашего визита в Старый город пресвитерианский священник Ибрагим Нсейр сказал мне, что в 2012 году повстанцы точно так же уничтожили его церковь. Такие заминированные туннели стали одним из самых эффективных средств в руках повстанцев, которые ведут асимметричную войну, подвергаясь ежедневным воздушным бомбардировкам. При выходе из Сук аль-Зарб возле Цитадели я заметил приземистого человека, светлого цвета и красной шапки. Он уходил с фронта в сопровождении шести сирийских солдат. Золотая цепочка на шее выдавала в нем иностранца. Когда один из наших гостей сказал его охранникам: «Уведите его отсюда», я понял, что это был русский. Другой русский из нашей группы заговорил с ним и выяснил, что этот человек приехал из Самарской области на реке Волга. Разнородная группа иностранцев удерживает Асада у власти, в то время как он борется против иностранных джихадистов, разрушающих его страну. Но Асад отказывается признать, что иностранцы помогли ему сохранить власть в своих руках.

Когда несколькими днями ранее я встретился с Асадом, он сказал: «Давайте предположим, что эти утверждения верны, и президент убивает свой народ, совершая преступления... После пяти с половиной лет кто бы меня поддерживал?» После моего короткого визита в Алеппо я пришел к выводу, что это не было сирийское молчали-

вое большинство. Во время поездки в этот город я видел в районе Хомса похоронную процессию «Хезболлы». В Алеппо курдские бойцы из «Народной самообороны» занимали позиции в Бани-Зайд, районе, где нет курдского населения. Во время визита в Алеппо небо было тихим. Проигрывает войну народ Асада. По данным ООН, 11 миллионов сирийцев либо покинули страну, либо стали внутренними беженцами. До войны численность населения Сирии составляла 21 миллион человек, то есть, половина сирийцев покинули свои дома. В феврале Сирийский центр политических исследований предположил, что около 11,5% населения были убиты по состоянию на 2015 год. Правительство пережило провалившуюся революцию, так как оно предлагало то, чего мятежники предложить были не в состоянии — постоянную выплату зарплат и минимальное управление. Режим быстро и отчетливо понял, что необходимо сохранять фасад нормальности. Действия ливийского лидера Муаммара Каддафи разительно отличались. Потеряв восточную часть страны во время восстания в 2011 году, Каддафи полностью отрезал от территории под контролем повстанцев от территории режима. Он отключил мобильную телефонную связь. Он перестал оказывать там правительственные услуги. Каддафи оказался под ударом и сделал так, чтобы все ливийцы узнали об этом.

Асад действовал по другому принципу. Он продолжал выплачивать зарплату госслужащим на территории, захваченных повстанцами. (А даже украинские власти зарплату в Донбассе не платят прим. ред.) Водоснабжение и электроснабжение прекращались только в самых блокированных районах. И правительство изо всех сил старалось, чтобы граждане забыли о войне, бующей за пределами их городов. Асад, действительно, морил голодом своих врагов (нехватка продовольствия ощущалась в таких городах, как Алеппо, годами, и поставки товаров первой необходимости перерывались в таких районах, как удерживаемая повстанцами Дара под Дамаском) в стиле, напоминающем Вторую мировую войну. Но своим союзникам и нейтральным сторонам Асад объяснял это необходимостью изгнать из страны иностранных джихадистов, угрожающих их существованию. Хотя Запад высмеивал эти слова, но население воспринимало их иначе,

видя, что там, где в ближневосточных странах власть свергали во имя свободы и демократии, воцарялся хаос. Это объясняет, почему даже самые бедные и обездоленные сирийцы не отказались от своего лидера и отвергли повстанцев, утверждавших, что пришли освободить их от деспота. В мечети Хафиз аль-Асад внутренние перемещенные лица из восточных районов Алеппо наперебой рассказывали нам, какие злые эти мятежники. «Башар платит нам ежемесячные зарплату и коммунальные услуги, — сказал 72-летний мужчина, стараясь, чтобы его речь звучала убедительно, несмотря на отсутствие зубов. — Террористы забирали наши деньги и не давали еду». 10-летний Мухаммад Нур пришел четыре месяца назад из Баб аль-Найраб, бедного района, который в 2012 году я нашел забитым мусорными кучами высотой в рост человека. «Я остался дома, потому что боялся минометов и артиллерии, — сказал он, объясняя, почему не играл на улице. — Я рад, что пришел сюда, потому что армия защищает нас».

С учетом присутствия вокруг комплекса многочисленных сотрудников спецслужб и военных трудно было сказать, где заканчивались разумные проправительственные лозунги и начиналось подлинное чувство. Большинство просто повторяли правительственную версию о том, что мятежники пришли из-за границы, и что их поддерживают Катар и Саудовская Аравия. Но их осуждение повстанцев заслуживало упоминания, потому что все они представляли один и тот же обездоленный класс. Перемещенные лица в деревянных хижинах — это не богатые бизнесмены и магнаты, превосходно говорившие по-английски и носившие европейские костюмы, которые обедали с нами в шикарных ресторанах. То, что перемещенные лица поддерживают правительство, показывает, насколько дурно обращались с ними повстанцы, и насколько ужасно заблуждаются их сторонники на Западе, призывающие к еще одному вмешательству в дела исламского мира. Нашим хозяевам не нужно было делать ничего особенного, чтобы показать это. Они просто отвезли нас в больницу «Аль-Рази», чтобы показать работу рук повстанцев. Машина скорой помощи привезла солдата. Его камуфляжная униформа была покрыта темно-красной кровью возле щиколотки. Другие машины привозили

солдат, раненных в ходе наступления повстанцев в Халаб аль-Джадида, сопровождавшегося двумя терактами-самоубийствами и залпами из минометов. Но вскоре больницу наполнили мирные жители.

Одним был Хазим аль-Шариф, 26-летний врач с дырой размером в монету в груди, наполненной осколками. Когда его повезли в операционную, он едва был в сознании и вращал глазами. Его мать стояла: «Не плачьте о моем сыне, помолитесь Пророку». Позднее я увидел его позади больницы. Он лежал в машине скорой помощи, укрытый синей тканью. Медик скорой помощи отвернул ткань — его глаза были закрыты. На бордюре возле входа в больницу женщина оплакивала гибель мужа. Внутри располагался импровизированный морг с семью телами погибших в результате нападения. Время от времени такси и частные машины забирали мертвых. «Это и есть те самые умеренные повстанцы, про которых говорят журналисты, — учил меня аль-Шехаби. — Они не делают различий между солдатами и мирными жителями. Они хотят убить нас всех».

На следующий день нас отвезли к гуманитарным коридорам, блокпостам, открытым правительственными войсками для повстанцев и мирных жителей, желающих покинуть город. В коридоре в Бустан аль-Каср стороны разделяли канал и груды ржавых остовов автомобилей. Капитан сказал, что этот переход был первым, открытым пять месяцев назад. 12 мирных жителей прошли на сторону правительства за медицинской помощью, после чего ушли. Прошли также два боевика. Но в день нашего визита улицы были пусты.

Если Асад победит, большинство западных наблюдателей скажут, что победа одержана благодаря грубой силе. Но его ставка на изначальную лояльность, страх перед послереволюционным хаосом и обращение к интересам торгового класса Алеппо — вот подлинные ключи успеха.

Барак Барфи (Barak Barfi)
Politico, США